

Научная статья

УДК 111

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.16>

Сущностные истоки конституции как средства и результата социальной самоорганизации

Мария Николаевна Гирник

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия, ma_nuna@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется конституция как одна из составляющих социальной самоорганизации общества. Сделан вывод, что феномен конституционализма представляет собой не изобретение Нового времени, а исконные организационные основы, которые неотъемлемо формируются наряду с образованием общества и совершенствованием языка, уходя вглубь веков, принимая разные формы в ходе своего развития. Конституция трактуется как социальное явление, существовавшее задолго до появления самого термина. Сущность его подчинена социальной функции – преодолению посредством общих представлений о принципах социального бытия препятствий общественному развитию. Это целерационально совершенствуемый системный правовой регулятор общественных отношений, препятствующий регрессу социальности. Неконституционных обществ не существует и никогда не существовало. В статье отражена сформировавшаяся авторская позиция на конституцию как социальное явление, которая является лишь одной из возможных в науке и не претендует на исключительность.

Ключевые слова: конституция, истоки, бытие, устройство, право, самоорганизация, естественные законы, закон, сакрализация знания, конституционализм

Для цитирования: Гирник М.Н. Сущностные истоки конституции как средства и результата социальной самоорганизации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 100–107. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.16>.

Original article

The essential origins of constitution as the source and result of social self-organization

Maria N. Girnik

Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art),
Moscow, Russia, ma_nuna@mail.ru

Abstract. The article examines the constitution as one of the components of the social self-organization of society. It is concluded that the phenomenon of constitutionalism is not an invention of Modern times, but the primordial organizational foundations that are inherently formed along with the formation of society and the improvement of the language, going back centuries, taking different forms in the course of its development. The Constitution is interpreted as a social phenomenon that existed long before the term itself was coined. The essence of the constitution is subordinated to its social function – overcoming obstacles to social development through general ideas about the principles of social being. It is a purposefully improved systemic legal regulator of public relations, preventing the regression of sociality. Unconstitutional societies do not exist and have never existed. The article reflects the author's formed position on the constitution as a social phenomenon, which is only one possible position in science and does not claim to be exclusive.

Keywords: constitution, origins, being, structure, law, self-organization, natural laws, law, knowledge sacralization, constitutionalism

For citation: Girnik, M.N. (2022) The essential origins of constitution as the source and result of social self-organization. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 100–107. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.16](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.16) (In Russian).

Постановка проблемы. Политико-правовые подходы исследования истоков конституционализма как практики осуществления идеи разрешения социальных противоречий с помощью некоторого основополагающего закона (конституции) традиционно принято связывать с трудами европейских мыслителей – Ф. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. Это обусловлено появлением идей «общественного договора» (Ф. Гоббс), «сдержек и противовесов» (Ш. Монтескье) и в целом становлением конституционализма как европейского политико-правового дискурса. Но феномен социальной самоорганизации европейской цивилизацией не ограничивается. Социальная философия со своей методологией позволяет его рассмотреть по-иному.

О закономерностях развития общества размышляли мыслители Древней Греции (Платон, Аристотель и др.), Китая (Хань Фэй, Конфуций и др.). Уже эти ранние свидетельства социально-философской мысли указывают на то обстоятельство, что право не исчерпывается римским колониальным пониманием, унаследованным западной цивилизацией, а феномен социальной самоорганизации древнее Рима, о чем свидетельствует способность древнейших цивилизаций на протяжении своей тысячелетней истории выступать в качестве коллективного субъекта в противостоянии внешним и внутренним вызовам.

Поиск сущностных истоков конституции как социального феномена, возникшего в результате исторического процесса социальной самоорганизации и наделённого специфической функцией средства обеспечения социальной самоорганизации, обнаруживает ограниченность существующих политико-правовых подходов. Большинство из них сконцентрированы на глобальном доминировании западной цивилизации, её политико-правовой доктрины (Поппер, 1992; Фукуяма, 2007) и не учитывают как опыт организации социального бытия более древними цивилизационными центрами, так и опыт отрицающих европоцентризм современных теоретических альтернатив. Например, известный корейский теоретик Т. Им приходит к выводу о непродуктивности и неприемлемости применения западных теоретико-методологических подходов к анализу социальных процессов в иных культурно-цивилизационных условиях на материале Юго-Восточной Азии (Im, 2019). На этнокультурных особенностях принципов социальной самоорганизации настаивают некоторые отечественные ученые, анализируя евразийство как альтернативный проект евроатлантической модернизации (Калашникова, 2017); другие видят ноосферную альтернативу западной технократии (Субетто, 2019). Проблемное поле поиска закономерностей социальной самоорганизации в российских научно-философских дискуссиях постоянно расширяется на базе отдельных политико-философских оснований мифосимволических парадигм, определяющих содержание категории цивилизации (Дугин, 2019).

Поиск ценностных детерминант цивилизаций, участвующих в формировании смысловых комплексов, отличающих организованное общество от дикого состояния, без сомнений, крайне важен для типологии и классификации цивилизаций, для реконструкции исторической взаимобусловленности их развития. Но хотелось бы уделить внимание онтогенетическим характеристикам эволюции конституирующего общество начал как однородных элементов, развитие которых подчинено общей закономерности расширения и усложнения системных связей.

В статье обосновываются два взаимосвязанных тезиса. Первый связан с анализом языка как фиксированной картиной мира, в которой выражаются и различные типы социальных практик. С этих позиций этимологические и семантические связи русского слова «закон» и его аналогов в других языках, включая древнейшие, указывают на сущностные истоки конституции как средства и результата социальной самоорганизации, уходящие вглубь веков. Из этого следует, что конституцию как социальный феномен нужно изучать не как «изобретение» Нового времени, а в качестве регулирующего социально-правового механизма, присущего любому организованному обществу.

Второй тезис состоит в том, что регулирующие функции конституции как социально-правового механизма обеспечены взаимодействием диалогического характера между управленческим центром и управляемой периферией общества по медиации конструктивной напряженности (Ахиезер, 1998) между традицией и новацией. Конституция как социальный феномен – это не запись на бумаге, а действующий закон социальной самоорганизации, который может совершенствоваться обществом целенаправленно (в этом случае оно выступает субъектом конституционного процесса) или имплицитно, через разрешение социальных противоречий всей совокупностью доступных способов, в том числе посредством деволуции социальных связей, их архаизации, трансформации вплоть до дезинтеграции и развала общества на способные (или неспособные) к самоорганизации элементы.

Конституционализм – это осознание человеком актуальности познания объективно сущих законов мироздания и воплощения его в социальной действительности.

Методологические основания. Исследование базируется на сопоставлении теоретических подходов к определению сущности конституции и социальной самоорганизации с учетом принципа дополнительности (Макаров, 2012), подразумевающего, что описание сложного явления с различных взаимоисключающих позиций позволяет приблизиться в суждении к сути предмета исследования (Методологические принципы физики: история и современность..., 1975). Современный методологический инструмент дает возможность изучать проблему комплексно, помогает выработать понимание символических систем, изучить специфику подходов, анализировать целостность и взаимозависимость: «...все уровни методологии связаны между собой... Методологические основания... представляют собой сложную динамику горизонтальных и вертикальных связей, детерминированных сферой деятельности, ее содержанием и направленно-

стью» (Петрий, 2011). О таком подходе свидетельствует и современная постнеклассическая парадигма познания, которая формируется вокруг представлений о высшем уровне саморазвивающихся систем (Стёпин, 2016), к которым следует отнести социальность в её глобальных и локальных, современных и исторических проявлениях. Применение теоретической модели конструктивной напряженности дуальных оппозиций А.С. Ахиезера (1998) дает импульс осуществить социально-философский анализ конституции как средства и результата социальной самоорганизации с древнейших времен до наших дней с опорой на совокупность общенаучных и частных (семантический, структурно-функциональный и сравнительно-исторический) методов.

Результаты. Как утверждает В.В. Речицкий, понятие «конституция» насчитывает около 120 определений (Речицкий, 2012). Все они восходят к латинской этимологии слова (в дословном переводе – «устройство») и понятийному смыслу Нового времени, вмещающему в себя представление о законе (или своде законов), определяющем систему общественных отношений и государственного устройства, устанавливающем принципы общественной жизни. Концепции конституции Нового времени и множества современных – это лишь некие процессы, свидетельствующие о конкретно-исторической реализации некоторой культурной формы, являющейся результатом социальной самоорганизации. Одним из факторов ее и регулятором общественных отношений является общественный идеал, который исконно формируется в каждом конкретном обществе и имеет свои культурные особенности. Он аккумулирует в себе высшие ценностные установки, традиции, культуру, что зачастую и является базисным регулятором общественных отношений (Петрий, 2017).

Обращение к истории древних цивилизаций позволяет наблюдать, что потребность в постижении глубинных законов общественного бытия существовала издавна, о чём свидетельствуют выработанные представления, доктрины и учения. Например, в литературных памятниках Древней Индии особое место занимает закон Риты¹. Специалисты (Дюмезиль, 1986; Гусева, 1977; Елизаренкова, 1999) в нем находят основу социального порядка в контексте космической гармонии. Древнеперсидский памятник «Авеста» раскрывает закон «арта» (Соколов, 1961). Китайское «дао» через категории «всеобщность», «первозданность», «совершенствование» регламентирует личностное (персональное) и общественное бытие в рамках пути к восстановлению первозданной гармонии (Ван Цзянь, 2012). Греки выработали понятие «архэ», в котором мыслили первую и последнюю реальность всех вещей. Слово «архэ» обозначает «начало», «первоначало», «власть», «господство», «древность», «управление» и др.² Наличие подобных категорий в древних культурах, вмещающих в себя представление о законе, определяющем систему общественных отношений, т. е. о законе, устанавливающем принципы общественной жизни, свидетельствует о признаках древнейших правовых доктрин, исторических сущностных истоков конституций.

Синтетический космогонический характер древнейших правовых доктрин регулировал не только социальные взаимоотношения, но и коммуникацию человека с внешним миром. Социальные законы не отделялись от естественных. Более того, последние объяснялись сквозь призму мифологической картины мира как воля могущественных нечеловеческих сил непреодолимого характера. Поэтому о древнейших правовых комплексах не принято говорить как о конституциях, ведь под конституцией понимается не только закон устанавливающий, но и совместно всем обществом принимаемый, изменяемый и целерационально совершенствуемый. Однако если учесть устный характер существования мифа, следует указать, что посредством сакрализации наиболее социально значимых ценностей в устных трактовках и пересказах космогонических представлений как раз и происходил процесс совершенствования.

К древнейшим из известных в истории человечества литературным памятникам следует отнести древнеегипетские (XXVI–XXII вв. до н. э.) (Parkinson, 2010) и шумерско-аккадские (XVIII–XVII вв. до н. э.) (Дьяконов, 1961) источники. Их анализ позволяет исследователям, пусть и не в полной мере, судить о социальном устройстве древнейших обществ, поскольку они уже содержат категории сакральных законов бытия, выражающихся в сюжетах как воля богов или причинно-следственная логика свершений героев. Сакральное в условиях устной мифологической традиции складывается и утверждается как наиболее социально значимое. Поэтому непреодолимый характер сакральных категорий мифа позволяет утверждать существование представлений о закономерностях общественной жизни. Миф в силу своей первородной устной сути всегда диалогичен. По мысли А.С. Ахиезера, «диалог – имманентная форма существования мышления, всегда требующая определенных форм отношений людей, организационных форм» (Ахиезер, 1998: 152). Миф – многофункциональная культурная форма. Нельзя отрицать, что одной из его функций является конституирование социальной реальности особым образом, т. е. его, в том числе,

---

¹ Ригведа: Мандалы I–IV. М., 1999. 768 с. ; Ригведа: Мандалы V–VIII. М., 1999. 745 с.

² Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. М., 1998. С. 223.

можно считать и архаичной формой конституции, в основании которой лежит сложная система норм-запретов (табу).

Табу носили непреодолимый характер объективного (естественного) закона. Медиация традиции и новации в условиях такого запрета требовала особых практик трансформации социальной реальности – магических.

У магии и юриспруденции общие не только социальные функции, но и этимологические корни. Латинский язык дает нам термин «*iūs*» – юриспруденция. Римское право многими юристами считается образцом, т. е. культурной формой, ставшей основой правовых систем европейских государств. О происхождении термина достаточно сложно судить, хотя есть предположения о первичной коннотации: *ius iurandum* – означает «произнесение клятвы» (Wharton, 1890: 50). Известные законы XII таблиц, по мнению Э. Мейера, были схожи с молитвой, и термин *lex* означал божественный миропорядок или, точнее, записанный людьми элемент миропорядка, который следовало публично и торжественно провозглашать (Мейер, 1910). Клятва, как и заклинание, – магическое действие, устанавливающее порядок элементов социальной реальности.

В отличие от европейских стран, правовая культура славянских племен не испытала на себе влияния римских кодексов. В спорах между славянами не существовало внешнего института примирения, каким был римский суд для британцев, подкрепленный силой легионеров до V в. Поэтому правовая культура славян опиралась на собственные древнейшие мировоззренческие конструкты, отраженные в языке. К наиболее древним из них в славянских языках относятся: «мир», «правда», «воля», «кон» (Степанов, 2001). При этом они тесно переплетены с древнейшими космологическими представлениями: мир – одновременно всё и явленное, и неявное в гармоничном взаимодействии элементов, и определенное состояние общественных отношений, включающих всех членов общества (всем миром – всей общиной, всеми людьми, без исключения), позволяющее объединить усилия для решения сложных задач, и вместе с тем состояние, исключающее конфронтацию, не война. Мир – всегда правда. Война исключает мир, но не исключает правды: борьба правды с кривдою – причина любого конфликта. Цель борьбы – утверждение правды и мира. И правда, и кривда в архаических языческих представлениях обладают волей: правда – доброй, а кривда – злой. Мир, таким образом (в триедином смысле и мироздания, и общества, и не войны), – проявление доброй воли – добро (Иванов, Топоров, 1965: 170, 236).

Закон, как указывает Ю.С. Степанов, этимологически происходит из понятия «кон»: «начало» и «конец» – предел (Степанов, 2001).

К наиболее ранним формам правовой культуры, регулирующим социальную организацию славянских племен, обращается А.С. Ахиезер, опираясь на обобщение бинарных оппозиций русской культуры (Ахиезер, 1998). Основополагающим правовым концептом исследователь определяет правду, цитируя выводы А.И. Клибанова: «Идеал правды в народной утопии “представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле. Он необходимо включает представления и убеждение, что предельно-совершенное состояние является изначально и непреходящим достоянием человеческого рода на земле, не химерой, не воображением, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, однако, и подлежащим возврату по законной принадлежности”» (Ахиезер, 1998). Этот идеал указывает на сакральное место неписанного закона мироздания, относительно которого любое человеческое соглашение – изначально ложь, поскольку истинный закон-правда дополнительного соглашения или трактовки не требует. Закон, таким образом, – предел, ограничение человеческой воли, преграда на пути своеволия. Социальная сущность закона внеположена по отношению к индивиду, отсюда вытекает основополагающий конституционный принцип – главенство общего сакрального (наиболее социально значимого) перед частным и индивидуальным.

К интерпретации древнеславянского термина «кон» обращается Г.Я. Мокеев (2001). По его мнению, в древности именно «кон» являлся той опорой, которой руководствовались жрецы; «къpez» означало поначалу «жрец». Слово «князь» состоит из корня «кън», местоимения «яз» и окончания «ь». В корне слова буква «ъ» (ер) оглашалась как редуцированная гласная звуком «о», а окончание «ь» (ерь) как «е» (еси). В итоге сложносоставное слово «князь» расшифровывалось как «я есть кон». То же проглядывает в немецком «*konig*» (*kon ich*) и в норманнском «*konung*» – вождь, потом король. «Хотя в нашем языке остались примечательные однокоренные слова: искони, испокон веков, коновод («ведущий, зачинщик»), конючить (когда-то «кон учить»), окончить, докончить («завершить дело»), конец («предел явления, край предмета»), конец («часть поселения»), конура (когда-то «небольшое жилище»), конечно, кончина, досконально, конченный, бесконечный, исконный, посконный, кондовый...» (Мокеев, 2001).

В латинском языке «кон» – распространённая приставка (*constitutio, conventio, consul* и т. д.), что говорит о семантическом старшинстве элемента «кон» по отношению к корням производных слов. Таким образом, «кон» и в латинском языке – древнейшее образование, в наиболее общем

смысле означающее, с одной стороны, неизменную сопричастность, с другой – высшую степень определенности. Пока можно сформулировать лишь предположение, что «кон» восходит к индоевропейской первооснове. Этот вопрос в настоящее время остается малоизученным. Но рассмотренные сущностные истоки конституции как средства и результата социальной самоорганизации позволяют сделать вывод, в корне изменяющий отношение к конституционному процессу, юридическое оформление которого мыслится уже лишь одной из его граней. Другой же, не менее существенной его стороной остаются сложные социальные практики саморегуляции в рамках диалога управляющего центра и управляемой периферии, включая и мифотворчество масс.

Выводы и обсуждение. Конституция как средство и результат социальной самоорганизации развивается от древнейших примитивных способов самоорганизации к сложной системе правовых отношений современных обществ и международных связей. Сущность конституции подчинена её социальной функции – преодолению посредством общих представлений о принципах социального бытия препятствий общественному развитию. Этот онтогенетический ракурс позволяет судить о ней как о целерационально совершенствуемом системном правовом регуляторе общественных отношений, препятствующем регрессу социальности. Из чего следует вывод, что неконституционных обществ не существует и никогда не существовало. Организованное общество либо выступает субъектом конституционного процесса, целерационально совершенствуя свой системный правовой регулятор общественных отношений, препятствующий регрессу социальности (для этого необходим автохтонный управляющий центр), либо попадает под влияние инородного управляющего центра, способного осуществлять медиацию традиций и новаций.

Утверждения иного порядка, апеллирующие, прежде всего, именно к формам юридического оформления конституций, но не учитывающие культурные особенности социальной самоорганизации, часто на поверку оказываются политическими спекуляциями, ведущими к становлению неконституционных форм правления. Один из примеров в отечественной истории – сталинская Конституция 1936 г., которая при всех её юридических и идеологических достоинствах так и не стала основным законом советского общества. В годы партokratического волюнтаризма различные социальные группы советского общества вырабатывали собственные конституционные обычаи, которые существовали за рамками официальной правовой системы: клановые понятия, принципы профессиональной (цеховой) или религиозной этики и пр. В результате до сих пор многие социальные отношения в российской действительности (например: водителей и дорожной полиции, медиков и их пациентов, учителей и учащихся и т. д.) носят часто неправовой характер и могут идентифицироваться термином «правовой нигилизм». Суть этого феномена кроется в недоверии людей к официальной правовой доктрине и, как результат, в стремлении решать конфликтные вопросы за её рамками путём установления конституирующих норм по обычаю. В результате помимо официальных административных штрафов за правонарушения на дороге в каждом регионе России существуют и собственные расценки «решения вопроса» по договоренности как между водителями, так и с автоинспекторами.

Коренные культурные различия иногда ведут к теоретическим заблуждениям, к недопониманию конституции как социального феномена. Так, золотой век российской культуры, способствовавший осознанию важнейших различий европейской и российской культур, всё же не позволил отечественной философской мысли осознать, что для России европейский конституционализм был неприемлем по той причине, что на просторах империи за тысячелетнюю историю взаимоотношений народов были выработаны собственные конституционные принципы. И западники, и почвенники в равной мере заблуждались, понимая конституционализм как европейское изобретение, заиклившись на конституционном принципе ограничения воли монарха, в то время как она и без того была ограничена силою выработанных конституционных обычаев: в Польше и Финляндии действовали местные конституции, с казачеством у монархии были специфические договорные взаимоотношения, также как с поместной аристократией восточных провинций, богатая культура которых обеспечивала собственные уникальные конституирующие принципы и местные конституционные обычаи. Кроме того, культурные различия, в том числе языковые, при семантическом рассмотрении понятия «закон» как фундаментальной категории конституирования социальности, помогают нам сформировать представление об организационных основах различных типов обществ.

Конечно же, сформировавшаяся авторская позиция – лишь одна из возможных точек зрения, обоснованность которой и выносится на обсуждение. Мы намерено избегали противоречий различных политико-философских подходов, считая их в равной мере справедливыми, раскрывающими сущностные истоки конституции как средства и результата социальной самоорганизации с разных сторон согласно принципу дополнительности. Осуществить авторский подход позволил методологический опыт отечественной культурологии – в частности, её системно-деятельностная парадигма (М.С. Каган, Г.П. Щедровицкий, В.С. Стёпин, А.С. Ахиезер, П.В. Петрий и др.).

Как в отечественной науке, так и за рубежом существуют и иные подходы. В частности, стремление подчинить культурологическое знание отдельным политико-философским системам ведет к его фрагментации, отсюда и убежденность ряда теоретиков в невозможности синтеза Cultural Studies в рамках единой теории культуры. Впрочем, сосуществование культурологии и Cultural Studies также содержит определенный эвристический потенциал, который позволил теории конструктивной напряженности дуальных оппозиций А.С. Ахиезера вынести за рамки его политических позиций.

Александр Самойлович отождествляет с медиационной логикой разрешения конструктивной напряженности идеологию либерализма, но в результате у него получился свой собственный либерализм, не исчерпываемый существующими политическими доктринами. Если диалог рассматривать как способ социальной коммуникации, которая в свою очередь является одной из форм продуктивной деятельности, то диалогическая теория А.С. Ахиезера может пониматься как аналитическая модель за рамками идеологических пристрастий. Этот её потенциал и был использован.

В заключение хотелось бы отметить, что перед лицом общей угрозы человечество всегда вырабатывало и продолжает вырабатывать этические императивы, конституирующие принципы, стратегии и нормы кооперации для осуществления совместной деятельности с целью выживания. Поэтому реальный конституционализм следует представить как практику нормирования жизнедеятельности индивида и общества, обеспечивающую выживание. Следует подчеркнуть, что социальная общность в наблюдаемой исторической ретроспективе всегда образуется вокруг некоторой запредельной по отношению к социуму сущности: будь то идеальная божественная сфера или органические ноосферные представления. Если индивид и общество равны перед внеположенной сущностью (медиантой), диктующей императивность общих норм, то эта детерминанта поведения выступает таким же конституирующим основанием, как и естественный закон. Жизнеспособное общество – развивающееся общество. И определенная общая медианта развития обуславливает его общий вектор. Однако соотношение сил в современной реальной политике, наличие и конкурентное противостояние различных конституирующих общество субъектов указывает на возможность развития конституционализма по двум вероятным сценариям.

Первый из них ведет к дифференциации и атомизации социальных субъектов, в роли которых могут выступать как индивиды (гражданине), так и объединения людей (этносы, народы, нации, корпорации, государства и пр.). Это медиационный сценарий.

Второй – усиливает вероятность конкурентного столкновения двух или более стратегий управления, моноцентричных механизмов социального развития, а также конфликтов и перевернутой логики их разрешения. Этот сценарий можно охарактеризовать как инверсионный, не только дискредитирующий идею конституции, но и девальвирующий социоформирующий конституционный процесс.

Таким образом, перспективы развития конституции как социального феномена обуславливаются инверсионной либо медиационной логикой разрешения конструктивной напряженности дуальных оппозиций, вырабатываемых обществом в жизнедеятельности. В случае реализации медиационного сценария развития сохраняется конституционный процесс социальной самоорганизации и социальная функция конституции. Если возобладает инверсионная логика – конституции могут трансформироваться в манипулятивный механизм социального управления, лишенный ресурса социальной самоорганизации, а от того чрезвычайно ресурсозатратный и малоэффективный. Последний сценарий не подразумевает эволюцию (усложнение) социальности, ведет к деволюции социальных отношений и росту социальных конфликтов непреодолимого характера.

Хотелось бы надеяться, что экспертное научное сообщество в перспективе окажется способным оказывать большее влияние на тенденции конституционного процесса, и наблюдаемый сегодня в нём крен в сторону политико-правовых подходов, вплоть до мистификации и искажения истории, окажется преодолем. Конституции будут отражать в большей мере реальный конституционный процесс и в меньшей мере – политические амбиции субъектов борьбы за власть над умами, т. е. станут чуть более научными и менее магическими.

Список источников:

- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. Новосибирск, 1998. 600 с.
Ван Цзянь. Философско-мировоззренческие установки даосизма в памятниках китайской культуры «Дао-дэ цзин» и «Чжуан-цзы» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 2 (81). С. 95–100.
Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М., 1977. 327 с.
Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. М., 2019. 461 с.
Дьяконов И.М. Эпос о Гильгамеше // Эпос о Гильгамеше (О все издавшем). М.; Л., 1961. С. 91–143.
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. 234 с.
Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригvedы // Ригveda. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 456–458.

- Иванов В.В., Топоров В.И. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. 247 с.
- Калашникова Н.Ю. Научная конференция «Евразийство – евроскептицизм – евразийство: варианты разочарований в европейском пути развития» // Славяноведение. 2017. № 4. С. 111–119.
- Макаров А.Б. Принцип дополнительности Н. Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 98–109.
- Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. М., 1910. 108 с.
- Методологические принципы физики: история и современность / ред. Б.М. Кедров, Н.Ф. Овчинников. М., 1975. 511 с.
- Мокеев Г.Я. Триста рыцарей Арея: о происхождении древнерусских городов // Новая книга России. 2001. № 10. С. 52–56.
- Петрий П.В. Методология научного познания и исследования: содержание и современные представления // Вестник Военного университета. 2011. № 4 (28). С. 7–11.
- Петрий П.В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 55–63. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-2-55-63>.
- Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2-х тт. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. 528 с.
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2-х тт. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. 448 с.
- Речицкий В.В. Политический предмет конституции. К., 2012. 728 с.
- Соколов С.Н. Авестийский язык. М., 1961. 123 с.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. 989 с.
- Стёпин В.С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 5–14.
- Субетто А.И. Ноосферная арктическая стратегия (доклад) // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. 2019. Т. 15, № 1 (42). С. 40–73.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2007. 588 с.
- Im T. The Two Sides of Korean Administrative Culture: Competitiveness or Collectivism? (Routledge Focus on Public Governance in Asia). L., 2019. 118 p.
- Parkinson R.B. Poetry and Culture in Middle Kingdom Egypt: A Dark Side to Perfection. Oxford, 2010. 393 p.
- Wharton E.R. *Etyma Latina: Etymological Lexicon of Classical Latin*. L., 1890. xxxiv, 152 p.

References:

- Akhiezer, A. S. (1998) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii [Russia: Critique of Historical Experience: The Socio-Cultural Dynamics of Russia]*. Novosibirsk. 600 p. (in Russian).
- Dugin, A. G. (2019) *Noomakhiya: voiny uma. Russkii Logos I. Tsarstvo Zemli. Struktura russkoi identichnosti [Noomachy: Mind Wars. Russian Logos I. The Kingdom of the Earth. The structure of Russian Identity]*. Moscow. 461 p. (in Russian).
- D'yakonov, I. M. (1961) *Epos o Gilgameshe [The Epic of Gilgamesh]. Epos o Gilgameshe (O vse vidavshem)*. Moscow ; Leningrad, pp. 91–143. (in Russian).
- Dyumezil, Zh. (1986) *Verkhovnye bogi indoevropaitsev [The Supreme Gods of the Indo-Europeans]*. Moscow. 234 p. (in Russian).
- Elizarenkova, T. Ya. (1999) *Mir idei aniev Rigvedy [World of Aryan Rigveda Ideas]. Rigveda. Mandaly V–VIII*. Moscow, pp. 456–458.
- Fukuyama, F. (2007) *Konets istorii i poslednii chelovek [The End of the Story and the Last Man]*. Moscow. 588 p. (in Russian)
- Gian Wang (2012) *Philosophical World Outlook Aims of Daosizm in the Monuments of Chinese Culture «Dao-De-Tszin» and «Chguan-Tszy»*. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. (2 (81)), 95–100 (in Russian).
- Guseva, N. R. (1977) *Induizm. Istoriya formirovaniya. Kul'tovaya praktika [Hinduism. History of Formation. Cult Practices]*. Moscow. 327 p. (in Russian).
- Im, T. (2019) *The Two Sides of Korean Administrative Culture: Competitiveness or Collectivism? (Routledge Focus on Public Governance in Asia)*. London. 118 p.
- Ivanov, V. V. & Toporov, V. I. (1965) *Slavyanskijeazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy [Slavic Language Modeling Semiotic Systems]*. Moscow. 247 p. (in Russian).
- Kalashnikova, N. Yu. (2017) *Scholarly Conference «Eurasianism – Euroscepticism – Eurasianism: Variants of Disillusionments in the European Way of Development»*. *Slavyanovedenie*. (4), 111–119 (in Russian).
- Kedrov, B. M. & Ovchinnikov, N. F. (eds.) (1975) *Metodologicheskie printsipy fiziki: istoriya i sovremennost' [Methodological Principles of Physics: History and Modernity]*. Moscow. 511 p. (in Russian).
- Makarov, A. B. (2012) *Complementarity Principle of N. Bohr and the Problem of Its Status*. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk*. (12), 98–109 (in Russian).
- Meier, E. (1910) *Ekonomicheskoe razvitie drevnego mira [Economic Development of the Ancient World]*. Moscow. 108 p. (in Russian).
- Mokeev, G. Ya. (2001) *Trista rytsarei Areja: O proiskhozhdenii drevnerusskikh gorodov [Three Hundred Knights of Arey: On the Origins of Old Russian Cities]*. *Novaya kniga Rossii*. (10), 52–56 (in Russian).
- Parkinson, R. B. (2010) *Poetry and Culture in Middle Kingdom Egypt: A Dark Side to Perfection*. Oxford. 393 p.
- Petriy, P. V. (2017) *Public Ideal as a Factor of Modernizing Russia in the Context of Globalization*. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. (2), 55–63. Available from: <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-2-55-63> (in Russian).
- Petriy, P.V. (2011) *Methodology of a Scientific Research and Examination: the Maintenance and a Modern Conception*. *Vestnik Voennogo universiteta*. (4 (28)), 7–11 (in Russian).
- Popper, K. R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi. T. 1: Chary Platona [Open Society and its Enemies. Vol. 1: Charms of Plato]*. Moscow. 448 p. (in Russian)
- Popper, K. R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vrugi. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly [Open Society and its Enemies. Vol. 2: The Time of False Prophets: Hegel, Marx and other Oracles]*. Moscow. 528 p. (in Russian)
- Rechitskii, V. V. (2012) *Politicheskii predmet konstitutsii [The Political Subject of the Constitution]*. Kiev. 728 p. (in Russian).
- Sokolov, S. N. (1961) *Avestiiskii yazyk [Avestan Language]*. Moscow. 123 p. (in Russian).
- Stepanov, Yu. S. (2001) *Konstanty: slovar' russkoi kultury [Constants: Dictionary of Russian Culture]*. Moscow. 989 p. (in Russian).
- Stepin, V. S. (2016) *Historical-Scientific Reconstruction: Pluralism and Cumulative Continuity in the Development of Scientific Knowledge*. *Voprosy filosofii*. (6), 5–14 (in Russian).
- Subetto, A. I. (2019) *Noosfernaya arkticheskaya strategiya (doklad) [Noospheric Arctic Strategy (report)]*. *Ustoichivoe innovatsionnoe razvitie: proektirovanie i upravlenie*. 15 (1 (42)), 40–73 (in Russian).
- Wharton, E. R. (1890) *Etyma Latina: Etymological Lexicon of Classical Latin*. London. xxxiv, 152 p.

Информация об авторе

М.Н. Гирник – преподаватель кафедры клинической психологии и интегративной арт-терапии Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия.

Information about the author

M.N. Girnik – Lecturer at the Department of Clinical Psychology and Integrative Art Therapy of the Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.01.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.02.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.